
**ЯПОНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ПИЛЬНЯКА:
ОТ ЗАРИСОВКИ К ЦИКЛУ
(к проблеме художественной эволюции
поэтики Б. Пильняка)**

И.В. Здерева

Кафедра литературы
Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область

Статья посвящена проблеме художественной эволюции поэтики Б.А. Пильняка, рассмотренной на примере «японского» цикла произведений. Детально прослеживается движение авторской мысли от малой, разорванной формы к более сложному жанровому образованию, системно аргументируется наличие важнейших принципов циклообразования.

Ключевые слова: Б. Пильняк, Япония, поэтика, циклизация, очерк, автор.

За три последних десятилетия творчество Б.А. Пильняка было исследовано достаточно широко и многосторонне. Однако остаются проблемы, которым до сих пор не уделялось достаточно внимания. Одной из них является проблема циклизации, столь характерная для художественной системы писателя. В статье «Цикл как жанровое явление в прозе орнаменталистов» О. Егорова обращает внимание на данное явление и в творчестве Пильняка. Сама постановка проблемы верна и актуальна, но, по-нашему мнению, вопрос разрешается с излишней абсолютизацией.

Яркое свидетельство тяготения Пильняка к циклизации — это «японский» цикл писателя. Благодаря тщательным исследованиям Дани Савелли (1) «японские» произведения Пильняка детально изучены, однако с точки зрения формирования цикла они не были рассмотрены. Подчеркнем, что цикл составляют работы, явившиеся творческим итогом двух путешествий в Страну Восходящего Солнца (в 1926 г. и 1932 г.): «Корни японского солнца», «Олений город Нара», «Рассказ о том, как создаются рассказы», «Камни и корни», статьи для японских журналов, а также письма, написанные писателем из Японии.

В 1930-е гг. в творчестве Пильняка заметно проявляется желание уйти от излюбленного жанра очерка, от малой и разорванной формы, прослеживается стремление к более крупным жанровым образованиям, в результате чего очерковые книги и рассказы о Японии и «стягиваются» в цикл. Авторское Я, как и прежде, находится в центре, стиль автора легко узнаваем, Пильняк не разрушает ранее написанные произведения ради создания нового, а осторожно «стягивает» их в единое целое.

Стоит сразу отметить, что данный цикл не является авторским, сам Пильняк свои «японские» произведения так и не объединил, но цикл все же сложился, причем такой, в котором отчетливо видны важнейшие принципы циклообразования.

Проведенные исследования позволили нам сделать вывод, что основным связующим фактором в формировании цикла явилась поэтика заглавий, которая, в свою очередь, определила и связь на идейно-тематическом уровне. Произведения объединяют также пространственно-временные отношения, причем особое значение в структуре цикла обретает топос, структурной же доминантой мы считаем лирическое начало «японских» произведений Пильняка.

«Японский» цикл складывался на протяжении нескольких лет, проследим движение художественной мысли от зарисовки к более крупному и сложному жанровому образованию.

Как ни странно, первыми произведениями, в которых появляется Япония, — пусть это пока еще не столь масштабный и детализированный образ, а лишь маленькая, но яркая зарисовка, — становятся стихотворения, написанные по случаю церемонии ханами. Именно в Японии писатель-прозаик пробует свои силы в жанрах, свойственных для японской поэзии, совершает интересные поэтические опыты. Япония предстает в них в традиционном изображении: «превосходная миниатюра» под «пылающими цветами сакуры». Цветущую сакуру, символ Страны Восходящего Солнца, причем символ, привычный в восприятии европейца, изображает в своих поэтических этюдах Пильняк, еще не добравшийся до корней японского солнца, японского народа. Но именно эту задачу и ставит перед собой писатель: понять, разглядеть то новое солнце, которое поднимается над Японией. «Почему я так пристально вглядываюсь?...» — удивляется Пильняк уже в первые дни пребывания в восточной стране (2).

«Япония интересовала Пильняка как то „пограничье“, где сходятся европейский и азиатский жизненно-культурные миры. Место схождения двух культур важно было увидеть и реально почувствовать потому, что характерность русского геополитического и культурно-психологического ландшафта... всегда ощущалась писателем как евразийская, что составляло предмет его постоянных размышлений и художественных проекций» [13. С. 170].

Образ Японии складывается, как мозаика, собирается по мельчайшим крупинкам впечатлений, которые в качестве небольших зарисовок появляются в статьях и письмах писателя.

Статьи Пильняка для японской прессы были посвящены, как правило, классической русской и современной советской литературе, поэтому размышления о Японии возникают лишь косвенно, но и они свидетельствуют о глубоком воздействии восточной культуры на мировосприятие писателя: «те истины, которые я прежде считал неизменными, вовсе не обязательно являются абсолютными» [10. С. 276].

В письмах друзьям Пильняк мог быть более эмоционален, откровенен. Он не боится признаться, что все невероятности, окружающие его, приводят его в состояние постоянной головной боли, он ощущал себя глухонемым. «Не понимаю!» — как заклинание твердит русский писатель, пытающийся разгадать тайны Востока.

Однако при всем этом прозаик не мог не осознавать, какое значение приобрела для него и его творчества эта поездка и эта страна: «Основная цель моей

жизни — писательство — формирование тех эмоций и образов, которые прошли через мое сердце и через мой ум, формирование их в рассказах и повестях, формирование по тем принципам, что искусство, как все прекрасное, вечно присуще человеку, и писатель над бытом и временем, прорываясь через них, должен стремиться к тому, чтобы его творения жили не только сегодняшним днем. И я должен сказать, что это мое путешествие в Японию, вне зависимости от тех знаний, которые я приобрету знанием Японии, дало мне огромный короб таких эмоций и переживаний, какие не сможет дать ни один университет, ни сотня прочитанных умнейших книг» [10. С. 104].

Япония стала для Пильняка открытием, потрясением. Эта страна, поражающая трудолюбием и организованностью своего народа, страна, живущая по принципу «наоборот», страна цветущей сакуры и черного злого камня перевернула его мировоззрение, его представления об абсолютных истинах пошатнулись, по признанию писателя, он «растерял очень многие свои точки зрения» [10. С. 125].

Пильняк постоянно искал пути понимания Японии, и эта непостижимая страна затягивала его, как болото. Еще в мартовской статье для «Осака Асахи» писатель признается: «В три часа двадцать минут я нашел ключ к пониманию японского народа; возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что моя ошибка красива и поэтична. Во всяком случае, японцам будет интересно узнать, как европейцы поэтизируют Японию» [10. С. 259]. В следующем номере он добавлял: «Возможно, я ошибаюсь, и мои впечатления ложны, но даже если это и так, это все-таки очень красивая и поэтичная ложь» [10. С. 259].

Пильняк не претендует на роль первооткрывателя Японии для советских читателей, не позиционирует свои наблюдения как исключительно достоверные. Пусть они ошибочны, но красивы и поэтичны, он, Пильняк, видит Японию такой. Такова его Япония.

Создание этого образа оказалось длительным и непростым для автора процессом. По возвращении на родину Пильняк издает «Рассказы с Востока» и работает над книгой, которую ждут не только в Советском Союзе, но и в Японии. Писатель задался нелегкой целью: собрать в единое целое несвязные отрывки, разрозненные размышления, очерки об увиденном и услышанном, калейдоскоп реальной жизни Японии, составленный из газет, плакатов, традиций. Пильняк с честью справился с трудной задачей: «Корни японского солнца» стали главным творческим итогом путешествия 1926 г., те самые «корни», которые мучительно искал писатель и ради которых он отправился в Японию. Книга объединила все впечатления русского писателя, его наблюдения и размышления, отрывки писем и статей, заметки из записной книжки. «Корни японского солнца» подытожили и объяснили пребывание в Японии Пильняка, писателя и человека другой культуры.

В «„Корнях японского солнца“, — считает Дани Савелли, — писатель находится в положении стороннего наблюдателя, который в полном одиночестве с недоумением взирает на происходящее. Все им пережитое — сугубо личный опыт, а не опыт народа. Вероятно, поэтому, рассказывая о Японии, писатель колеблется между жанром очерка, репортажа и путевых заметок» [10. С. 254]. Пильняк пы-

тается найти некую упорядоченность, «формулу» Японии, и ему это удастся, сам для себя он отыскал «корень» чужой цивилизации, разгадал секрет незнакомой страны.

Однако особая трудность заключалась еще и в том, как изложить тот материал, который автор приготовил для своей главной книги о Японии, ведь Пильняк прекрасно понимал, чего от него ждут. Свои размышления об этом он включает в последнюю главу «Япония — для меня» [10. С. 122]. Писателю представляются две разновидности книги, которую он написал бы, будь он японцем: «роман реалистический, натуралистический», с быстро устаревающими сведениями, т.е. такое произведение, которое «было бы очень скучно, разумно и нравоучительно», или же книга совсем другого рода, сюжет которой «был бы приторен, как мед, фабула чопорна, как поклоны гейш, а развязка сладостна, как японский фрукт каки». В первом случае речь бы шла о сочинении чисто европейском по духу, во втором — о произведении восточного типа, недоступном европейской психологии.

Нельзя не согласиться с Дани Савелли, что «воображать себя японцем и одновременно автором романа с традиционной интригой — со стороны Пильняка не более чем уловка» [11. С. 259], тем более что уже приводимые нами цитаты из японской прессы, да и отрывки из самого первого варианта «Корней» свидетельствуют как раз о том, что писатель намеревался пойти по второму пути, то есть восточному, а по сути — поэтическому. Но данный подход был неприемлем, недопустим для советской литературы, поэтому Пильняк мучительно пытается писать как можно менее литературно, хотя и признается на последних страницах книги: «...Я — Пильняк, если бы я был японцем, мне думается, захотел бы написать тот роман, который в действительности я хочу написать...», и далее: «...эту книгу хочу написать я — неяпонец. Но, если бы я был японцем, мне думается, я написал бы эту же книгу» [10. С. 126—127].

И все же старания Пильняка не увенчались успехом. После появления «Корней японского солнца» на писателя обрушился град критических отзывов. Японская сторона была разочарована: изначально Пильняк был воспринят как «именно тот писатель, который способен своим живым умом понять современную Японию» [11. С. 228], но он не оправдал ожиданий. Его книга показалась японской интеллигенции поверхностной, а Япония в ней — идеализированной. К сожалению, темы, к которым обращается Пильняк, почти сразу были восприняты как набор общих мест. Критики не обратили внимание на то, что писатель намеренно вступает в противоречие с литературной традицией, к которой принадлежали такие авторы, как Лоти, Киплинг и Хэрн. Пильняк не представляет эту восточную страну чудесным раем, не восхищается «идиллической» землей, и именно это делает «Корни японского солнца» одним из наиболее значительных литературных произведений, когда-либо написанных на Западе о Японии. Книга была сурово раскритикована и на родине автора. Пильняка обвиняли в том, что он навязывает читателю искаженный образ страны. Идеология эпохи искала точное соответствие между изображением и «подлинной» Японией, не принимая во внимание то, что Япония Пильняка — это целиком и полностью плод его литературного творчества.

Полемика по поводу изображения Японии в «Корнях японского солнца» на этом не завершилась; она возобновилась в 1933 г., и ее инициатором стал сам Пильняк. Вторая его поездка в Японию весной 1932 г. послужила поводом к публикации нового произведения. Теперь прозаик понял, как *можно* писать, как писать «нужную вещь».

Новая книга противопоставлена первой книге писателя о Японии, она критикует и «Корни японского солнца», и ее создателя, одновременно оправдывая его. Свою вторую книгу о Японии Пильняк назвал «Камни и корни» и построил ее по принципу полемического диалога с предыдущей, а также с социальным романом японского писателя Тойохико Кагава «Дни, когда возопиют камни». Текстуально-тематическая аллюзийность отражена в заглавии книги. Писатель «наращивает» новый, политически актуальный материал и комбинирует его со старым, представленным автоцитатами и пересказами. Еще один уровень текста составляют пространственные выписки из романа японского писателя, «инкорпорированные в качестве иллюстрации клишированной поэтики, ориентированной на топысы колониального романа» [13. С. 170].

«Камни и корни», по всей видимости, можно считать одной из иллюстраций к ситуации, сложившейся в 1930-е гг. в творчестве Пильняка, которую, по замечанию В.П. Крючкова, многие исследователи расценивают как «сдачу и гибель советского интеллигента» [6. С. 3]. Писатель не создает очередную провокационную, «крамольную» вещь, а пишет «по правилам» то, чего от него ждут. Говоря об эволюции творчества Пильняка, часто отмечают, что «в 30-е годы художник вынужден был под бременем внешних обстоятельств многое изменить в своем творческом методе, он уже не мог с прежней абсолютностью следовать тем принципам, которые с гордостью декларировал еще несколько лет назад» [6. С. 3]. Для современного литературоведения характерна точка зрения, согласно которой произведения Пильняка 1930-х гг. противопоставляются творчеству периода его золотого десятилетия (1920-е гг.): проза 1930-х гг. оценивается как «компромиссная», менее интересная с точки зрения литературных достоинств, не заслуживающая пристального внимания.

Применительно к «Камни и корни», Дани Савелли выносит суровый приговор автору, который под напором критики разрушает собственное произведение: «Мы становимся свидетелями незаметного проникновения критических отзывов в ткань текста, иными словами, их победы над текстом. Статистические таблицы, длинные цитаты из романа японского пролетарского писателя Тоёхико Кагавы или выдержки из японских газет, которые Пильняк вплетает в текст своего очерка, знаменуют превращение писателя в машину, автомат, воспроизводящий лишь то, что от него ожидают. Они низводят автора до положения критика, который обрушился на свое собственное сочинение и в довершение всего малодушно и одновременно гениально фальсифицировал его» [11. С. 244—245].

Хотелось бы не согласиться с исследовательницей, ее обвинение достаточно спорно. Примечательно, что Дани Савелли отказывает книге «Камни и корни» в самостоятельности, считая ее лишь последней, «испорченной» редакцией «Кор-

ней японского солнца». По нашему мнению, все указывает на то, что вторая очерковая книга о Японии является отдельным, законченным, тщательно продуманным произведением, с оригинальной авторской идеей и четкой структурой. Пильняк не только дает второй книге название, но и указывает место и время завершения работы над ней: улица Правды, 1933 г. Писатель подчеркивает неразрывную связь этих произведений, но не стирает грань между ними, не смешивает их.

Также не стоит быть слишком категоричным, отказывая «Камням и корням» в литературных достоинствах, связывая их создание лишь с требованиями момента. Конечно, нельзя не принимать во внимание то, что Пильняк действительно был связан по рукам советской цензурой и творчество его тщательно контролировалось. Ему приходилось предаваться «адской эквилибристике», чтобы привести свои произведения в тот вид, в котором они были бы напечатаны. «Если бы я мог писать свободно! Что бы я создал!», — не раз восклицал писатель [12. С. 326].

Обратимся еще раз к размышлениям о двух разновидностях романа мифического Пильняка-японца, о которых мы уже упоминали. Создавая первую книгу, писатель условно выбрал восточный вариант романа, но столь поэтический метод (как ни старался Пильняк писать «менее литературно») не был оценен ни советской, ни японской критикой. Вторая книга более соответствовала другой разновидности: «роман реалистический, натуралистический», с быстро устаревающими сведениями, разбавленный многочисленными таблицами, статистическими данными и длинными цитатами. Создается впечатление, что Пильняк действует по принципу: «Не нравится красивый и поэтический подход? Хотите по-другому? Пожалуйста, получайте!» Пильняк жульничает, обманывает, причем делает это виртуозно! Он не изменяет себе, надеясь, что внимательный читатель поймет его правильно, разгадает его мастерскую фальсификацию. Подтверждением этому является хотя бы заключительная сцена в «Камни и корни»: как всегда у Пильняка, мощная лирическая волна сметает ранее намеченную схему, и последние страницы книги о Японии отданы во власть пафоса утверждения братской любви.

Есть и вторая не менее важная причина. Исследователи неоднократно подчеркивали присутствие у Пильняка постоянной внутренней неудовлетворенности писателя. Самоосуждение и самокритика — постоянные спутники его творчества. «В поэтике Пильняка недовольство самим собой вылилось в бесконечное пересоздание уже созданных образов, что все же оставалось скрытым для читателя. Однако писатель не боялся и открытых признаний, как это произошло в связи с книгой о Японии» [3. С. 341]. Пильняк оставался своим самым взыскательным и сердитым читателем, он переживал недовольство собственными творениями. Мы не исключаем, что суть автополемики писателя заключается и в конфликте с самим собой, «когда все созданное, уже застывшее в образах, казалось несовершенным и постоянно требующим доработки» [3. С. 340], что характерно для Пильняка.

Таким образом, движение от небольших зарисовок к «Корням японского солнца», а затем к «Камням и корням» имеет свое объяснение: постоянный творческий поиск писателя, напряженная работа над образами и, наконец, талантливая игра, позволившая Пильняку издать и вторую книгу о Японии.

Примечательно, что именно «Камни и корни» окончательно «стягивают» все «японские» произведения воедино, в «японский» цикл, становятся тем недостающим звеном, которое вместе с «Корнями японского солнца» образует ядро, вокруг которого этот цикл сформировался. В данном случае неавторский цикл как жанровое образование возникает еще и потому, что цикличность воспринимается как особое художественное единство. Каждое произведение, входящее в цикл, существует как самостоятельная художественная единица, но, будучи извлеченной из него, теряет часть своей эстетической значимости.

Возможно, Пильняк написал бы еще одно произведение об этой стране: не стесняемый критикой, он подарил бы читателю разгаданный им «Корень нового солнца». И тогда перед нами была бы трилогия, образующая сердцевину цикла. Если бы этот замысел удалось осуществить, то еще более усилились бы те принципы художественного циклообразования, которые доминировали в формировании цикла «японских» произведений писателя: поэтика заглавий, которая в свою очередь определила связь на идейно-тематическом уровне, пространственно-временные отношения, где особую функцию выполняет категория места, и ярко выраженное лирическое начало. Но третья книга о Японии так и не появилась, и мы можем лишь предполагать, что в ней Пильняк усилил бы философское звучание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Дани Савелли посвятила «японским» произведениям Пильняка не одну работу: Борис Пильняк как ключевая фигура советско-японских культурных отношений (1926—1937) // *Ebisu*. — Токио: Французско-японский дом, 1999. — № 3; Борис Пильняк и Энэкава Масао // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сборник трудов. — Коломна: КГПИ, 2001. — Вып. 3—4; Мотив «Сошествия в ад» в «Дневниках с Синсю» Б.А. Пильняка // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сборник трудов. — Коломна: КГПИ, 2001. — Вып. 3—4.

В 2004 г. при содействии Франко-русского центра общественных и гуманитарных исследований при Посольстве Франции в Москве и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций было осуществлено комментированное переиздание книги «Корни японского солнца» Б. Пильняка, в издание также вошло масштабное исследование Д. Савелли «Борис Пильняк в Японии: 1926». Многолетняя работа Д. Савелли в Японии и России позволили впервые опубликовать неизвестные у нас источники, связанные с первой поездкой писателя на Дальний Восток: материалы прессы, рецензии, документы, сводки закрытых ранее полицейских архивов японского МВД.

- (2) Фраза воспроизводится по русскому переводу стихотворения Б. Пильняка, опубликованного в журнале «Киодо» после церемонии ханами.
Савелли Д. Борис Пильняк в Японии // Борис Пильняк. Корни японского солнца. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 200.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ауэр А.П.* О поэтике Бориса Пильняка // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сборник трудов. — Коломна: КПИ, 1991. — Вып. 1.
- [2] *Ауэр А.П.* «Быть честным с собой и Россией...» (О художественном мире Б.А. Пильняка) // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сборник трудов. — Коломна: КПИ, 1997. — Вып. 2.

- [3] *Ауэр А.П.* «Перед лицом вечности — записывать свое время...» // Коломенский альманах. — Коломна: КГПИ, 2004. — Вып. 8.
- [4] *Веселова Н.А.* Система заглавий в поэтике Бориса Пильняка // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сборник трудов. — Коломна: КГПИ, 2001. Вып. 3—4.
- [5] *Егорова О.* Цикл как жанровое явление в прозе орнаменталистов // Вопросы литературы. — 2004. — № 3. — С. 113—130.
- [6] *Крючков В.П.* Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов (мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах). — Саратов: Научная книга, 2005.
- [7] *Пильняк Б.А.* Повести и рассказы. — М.: Современник, 1991.
- [8] *Пильняк Б.А.* Камни и корни. — М.: Советская литература, 1934.
- [9] *Пильняк Б.* Письма с Востока. К пребыванию Б. Пильняка в Японии в 1932 году (предисловие, публикация и примечания Н.Ю. Грякаловой) // Русская литература. — 1999. — № 3. — С. 170—185.
- [10] *Пильняк Б.* Корни японского сонца. — М.: Три квадрата, 2004.
- [11] *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926 // Пильняк Б. Корни японского солнца. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 165—328.
- [12] *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. — М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001.
- [13] *Грякалова Н.Ю.* Борис Пильняк. Антиномии мира и творчества // Пути и миражи русской культуры: Сборник. — СПб., 1994.

**JAPAN TO PILNYAK'S POETIC:
FROM ESSAY TO CYCLE
(on the problem of evolution of Pilnyak's poetic)**

I.V. Zdereva

Literature chair

The Moscow state regional socially-humanitarian institute

Green str., 30, Kolomna, Moscow Region

Article is devoted to a problem of art evolution of Pilnyak's poetics considered on an example of the «Japanese» cycle of works. Movement of author's idea from the short forms of narrative to more complicated genre formation is traced in details. Author gives reasons of presence of the major principles of cyclization.

Key words: B. Pilnyak, Japan, poetics, cycle, a sketch, the author.